

С.М. Соловьёв

Эхо в темноте

Журнальный вариант

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С11

C11 **С.М. Соловьёв**
Эхо в темноте: Журнальный вариант / С.М. Соловьёв – М.: Книга по Требованию, 2013. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-2871-4

Конец 1975 года. Ленинград., Студент Георгий, единственный сын четы Краснопольских, 15 декабря не вернулся домой. Одновременно с ним исчез и профессор математической физики, у которого работал Георгий., Поисками профессора занимаются сотрудники комитета государственной безопасности., Супругам Краснопольским становится известно, что исчезновение сына может быть связано с событиями 14 декабря, когда диссиденты предприняли попытку неофициально отметить стопятидесятилетие восстания декабристов и были задержаны милицией. Краснопольский-старший еще с сороковых годов знаком с генералом КГБ в отставке Федором Игнатьевичем Онегиным и обращается к тому за помощью. Генерал обещает помочь в розысках., Расследование, между тем, продолжается, однако супругам Краснопольским кажется, что гэбисты работают не слишком активно, и они начинают собственноручные поиски. , * * *, Сергей Соловьев (род. в 1956 г. в Ленинграде). По профессии - математик, в данное время профессор в университете г. Тулуза (Франция). В 1985-1991 гг. член семинара Бориса Стругацкого. В литературе дебютировал в 1990 г. (рассказ «У гробового входа»). В 1993 г. вышел в свет роман «День ангела». Публиковался ряд рассказов (в ж. «Литературная учеба», «Lettres Russes» и др.), повесть «Меньшее из зол» (альманах «Подвиг», 2008) поэма «Фантом» (1991), перевод поэмы «The Waste Land» Т. С. Элиота («Urbi», XXIV, 2000), научно-популярные статьи (в ж. «Химия и жизнь», «Новое литературное обозрение»).

ISBN 978-5-4241-2871-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Эхо в темноте

Повесть¹

Глава 1.1975. Декабрь

Единственный сын Краснопольских пропал 15 декабря 1975 года. Когда Гоша не вернулся вечером, родители — Валентин Федорович и Татьяна Владимировна — встревожились, но не очень. Еще лет в 14, летом на даче, он иногда уходил в лес на весь день и все всегда кончалось благополучно. Став студентом, он порой оставался у приятелей ночевать. Предупреждал не всегда. Последнее время он часто задерживался допоздна, помогая знакомому профессору. Обычно — об этом Гоша говорил сам, — если было уж очень поздно, профессор давал ему денег на такси. Это казалось немного странным, но ведь он помогал профессору по работе. Всем известно, что на профессорскую зарплату не приходится жаловаться. Возможно, Гоша не успел до развода мостов. Профессор жил на Петроградской стороне, по другую сторону реки.

— Может, позвоним Ивану Александровичу?

— Неудобно. Подождем до завтра. Что с Гошей может случиться?

Валентин Федорович ушел в чуланчик, оборудованный под фотолабораторию, и просидел до двух часов ночи, печатая летние фотографии, до которых из-за более срочной работы не доходили руки. Татьяна Владимировна легла, погасила свет, но ей не спалось. За окном было ветрено, метельно. То дальше, то ближе раздавалось странное негромкое жужжание, будто какой-то чертик кружил по кварталу, иногда проносясь под окнами. Жужжание добавляло какую-то новую нотку к тревоге, но вставать она не стала, еще не хватало сейчас отвлекаться на всякие глупости.

Т. В.! На работе ее теперь все чаще так называли. Муж тоже иногда, в разговорах с посторонними... Гоша был поздним ребенком. Ему недавно исполнилось восемнадцать, ей далеко за сорок. Фигура, правда, получше, чем у иных тридцатилетних... Она бы предпочла, чтобы ее по-прежнему называли Таней, но готова была смириться, и сама все чаще называла мужа, и даже думала о нем как о В. Ф.

Она стала думать о Гоше — как он рос, как менялся. В дошкольном детстве он был маленький, тощий, но с большой круглой головой. Почему-то часто падал и стукался лбом, словно голова перевешивала, — на лбу даже образовалась шишка. После шестого класса Гоша вытянулся, лицо перестало выглядеть детским. Стал меньше бояться шпаны, да и приставать к нему перестали. Именно тогда он полюбил одинокие прогулки. Как она поначалу волновалась! В. Ф., наоборот, считал, что это неплохо — ребенок должен узнавать мир. Пусть у него разовьется чувство свободы.

Свобода! К девяти утра ей надо было на работу. Это у В. Ф., как у фотографа, было более или менее свободное расписание. При желании весь переход от детства к юности, весь переходный возраст у мальчиков (разумеется, она по-прежнему думала о Гоше) можно видеть под этим углом зрения — борьбы за свободу. Только что потом эти мальчишки делают со своей свободой...

Снова жужжание за окном, будто кто-то летает на электрическом помеле.

Тихо вошел В. Ф., не зажигая света, разделся, осторожно лег рядом... Утром, когда она уходила на работу, о Гоше не было ни слуху, ни духу. В полдень она позвонила домой.

— Я звонил Ивану Александровичу, там никто не отвечает, — сказал В. Ф.

* * *

С обеденного перерыва она взяла полдня отгула и вернулась домой. Обзванили тех знакомых Гоши, чьи телефоны были им известны. Никакой информации о Гоше. В. Ф. позвонил Ивану Александровичу. Занято. Через пару минут — долгие гудки.

— Я думаю, надо съездить к профессору.

Адрес нашелся в общесемейной записной книжке, лежащей у телефона. Гоша послушно записал его туда, когда попросили родители. Еще раз набрали номер — долгие гудки. Они уже стояли на пороге, когда раздался звонок. Т. В. поспешила вернуться и взяла трубку. Странный, чем-то искаженный голос произнес:

— Татьяна Владимировна? Советую проверить, не попал ли Георгий к декабристам, — трубку сразу повесили.

Такси они поймали почти сразу. Таксист, будто чувствуя серьезность момента, рулил быстро, четко, собранно. Несмотря на мокрый снег, доехали минут за пятнадцать. Водитель высадил их, молча взял деньги и уехал. Двор серого, облицованного камнем шестиэтажного дома на Кировском проспекте был ничего особенного — в центре детская площадка, несколько машин, укрытых брезентом. Медленно падающий снег, лед, прикрытый снегом. Четыре подъезда. Хлопнула дверь лестничной клетки. Оттуда выскочил коротко стриженый молодой человек, немного похожий на Гагарина, пробежал мимо на улицу. Чуть погодя из этого же подъезда вышел высокий старик с авоськой, мельком взглянул на них, повернулся и не оглядываясь двинулся, приволакивая ноги, к арке, ведущей в следующий двор. Он как раз скрылся из виду, когда молодой человек рысью промчался в обратную сторону. В руке у него была небольшая кожаная сумка. Она удивилась, с какой силой муж сжимает ее локоть. Она была уверена, что квартира профессора находится в единственном подъезде, проявляющем признаки жизни.

— Мне как-то не по себе, — сказала Т. В. Чем-то — небольшой ладной фигурой, деревенскими чертами лица — молодой человек мог ей в первый момент напомнить Гагарина, но что-то другое — быстрый, цепкий взгляд, короткая стрижка, странная сумка (что в ней — воровские инструменты?) — заставило подумать о недавно выпущенном из тюрьмы уголовнике. На синей табличке над входом были аккуратно указаны номера квартир — какая на каком этаже. Профессорская была на пятом. Зашли в дом. Наверху как будто разговаривали. Голоса звучали нечетко, искаженные лестничным эхом. Она хотела вызвать лифт, но В. Ф. потянул ее за рукав: пешком.

Голоса смолкли. Они были на третьем этаже, когда наверху открылась и захлопнулась дверь. Они поднялись на пятый. Профессорская дверь выходила на середину площадки. Они были уверены, что именно эта дверь только что открывалась. И в квартиру, по всей вероятности, вошел молодой человек, недавно пробегавший по двору. В. Ф. протянул руку к звонку. Помедлил. Нажал. Ему тоже было не по себе. Открыл молодой человек. Другой, не похожий на Гагарина, — высокий, белокурый.

— Вы к кому?

— Иван Александрович дома? — поинтересовался В. Ф.

— Проходите, — молодой человек захлопнул дверь, как только они оказались в полутемной передней. — Его сейчас нет. Придется подождать.

— А вы, собственно, кто такой? — спросила Т. В. Молодой человек достал из кармана темно-красное комитетское удостоверение, помахал перед лицом Т. В. и В. Ф.

— Документы у них проверь, — из боковой двери высунулся первый.

— Пожалуйста! — В. Ф. достал паспорт. У Т. В. нашелся институтский пропуск.

— Пройдите на кухню. Ждите пока там...

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросила Т. В. На кухне они были одни.

— Откуда я знаю. Ясно, что-то случилось, — они разговаривали шепотом.

— С Иваном Александровичем?

— С Иваном Александровичем, а может быть, и с Гошой.

Им пришлось просидеть на кухне с полчаса, прежде чем там появился белокурый. Все это время они пытались выстроить линию поведения. С одной стороны, сейчас не сталинские времена. С другой, мало ли что, раз профессором интересуется КГБ... А Гоша студент, и любая ошибка может отразиться на его будущем. Войдя, белокурый уселся за кухонный стол напротив В. Ф. и Т. В.

— Извините, мы не разглядели как следует ваше удостоверение, нельзя ли на него взглянуть снова? — В. Ф. не собирался говорить чего-то подобного, но он нервничал и от этого вдруг повел себя храбрее обычного. Гэбэшник пожал плечами, вновь достал темно-красную книжечку, развернул.

— Убедились? Теперь — легкий вопрос: что вас привело в эту квартиру?

— Иван Александрович, профессор университета, он преподавал математическую физику нашему сыну... — В. Ф. улыбнулся. Заискивающей улыбкой — чтобы уравновесить излишнюю храбрость? Ему стало стыдно.

— И вы дружили домами?

— Мы просто знакомы.

— Гоша — это наш сын — иногда брал у Ивана Александровича книги, — Т. В. чувствовала, что ей лучше тоже принимать участие в разговоре. — Он очень интересуется космологией.

— Все это замечательно, — перебил белокурый, — но я задал вам вопрос: что привело вас в эту квартиру, — он посмотрел на часы, — во вторник, 16 декабря 1975 года, в районе 15 часов? Вы договаривались с профессором о встрече?

В. Ф. взглянул в окно. Ах, если бы можно было воспользоваться волшебной палочкой... Увы, использование в. п. подчиняется определенному регламенту.

— Гоша говорил нам, что собирался зайти к Ивану Александровичу.

— Во время занятий?

— Профессор часто работал дома.

— У Гоши свободное расписание, — вмешалась Т. В., — он хорошо учится.

Гэбэшник тоже посмотрел в окно, а затем уставился на В. Ф.

— Просто чудо, — сказал он. — А у вас самих, что, тоже свободное расписание?

— Я фотожурналист, — сказал В. Ф.

— К нам вечером должны зайти родственники, я надеялась, что Гоша будет с

нами, — соврала Т. В.

— Что здесь произошло? — наконец все же задал свой главный вопрос В. Ф. Белокурый помолчал.

— А вы как думаете?! — он внезапно повысил голос почти до крика. — Сергей!

Его напарник заглянул в кухню.

— Слушаю, Петр Алексеевич?

— Проводи даму, задай ей несколько вопросов.

— Таня... — В. Ф. начал подниматься тоже.

— А вы оставайтесь со мной.

Взгляд сидевшего неподвижно Петра Алексеевича был тяжелый, холодный и не выражал никаких особых эмоций.

* * *

Главной целью этого небольшого представления было, видимо, выбить их из колеи, а затем продолжить допрос по отдельности. Сначала Т. В., а потом В. Ф. были показаны в передней куртка, шапка, шарф и перчатки, принадлежавшие Гоше. Оба признали в них вещи своего сына. В такой же последовательности их провели в кабинет Ивана Александровича и показали потертый портфель и вынутые из портфеля тетради. Перьевая авторучка (подарок на день рождения). Это тоже были вещи Гоши, чего они не отрицали. Сама эта процедура была кричащим доказательством того, что с Гошей действительно что-то случилось, увидев их, они не могли думать ни о чем другом, хотя где-то на задворках сознания мелькнуло — нет ли среди бумаг какой-нибудь антисоветчины. Может, сами гэбисты его и задержали вместе с профессором? Оба тут же поняли абсурдность этой мысли — эти двое явно вошли в квартиру за несколько минут до них, где здесь прятать задержанных? Однако остальные возможности выглядели еще хуже.

После показа вещей гэбэшники стали любезнее. Возможно, их удовлетворял уровень «сотрудничества со следствием» со стороны В. Ф. и Т. В. В их поведении стало замечаться даже что-то вроде сочувствия. Во всяком случае, они провели В. Ф. вместе с Т. В. по оставшимся комнатам с просьбой сообщить, если на глаза попадутся какие-нибудь знакомые предметы. Знакомых предметов не было. В самом конце осмотра им показали небольшую кладовку, где сильно пахло горелым. На стенах и на полу были размещены какие-то приборы. Свисали обгоревшие и оплавившиеся провода. В деревянном паркете была выожжена глубокая борозда. Ни Гоши, ни Ивана Александровича в квартире точно не было. Когда белокурый снова проводил их на кухню, в руках у него был лист бумаги и ручка.

— Боюсь, сейчас мы с вами больше ничего не узнаем. Давайте для быстроты я запишу с ваших слов. Да не волнуйтесь вы, это же не настоящий протокол. Мне нужен какой-нибудь документ для отчета. Итак...

«Сегодня, 16 декабря 1975 года, в 15 часов, мы, В. Ф. и Т. В. Краснопольские, проживающие по адресу (можно еще разок ваш паспорт), пришли на квартиру профессора Ленинградского университета И. А. Гордеева по адресу (адрес впишем позже), имея договоренность о встрече здесь с нашим сыном, Краснопольским Г. В., студентом вышеназванного университета».

Он задумался. В. Ф. и Т. В. смотрели на него. Необычное многословие белокурого воспринималось как любезность, хотя вся затея с каким-то ненастоящим

протоколом выглядела бредовой.

«На квартире, однако, ни нашего сына, ни профессора Гордеева мы не застали. Я, оперуполномоченный органов государственной безопасности (впшиу позже), производивший в это время на квартире профессора Гордеева следственные действия в связи с поступившими сигналами, предъявил В. Ф. и Т. В. Краснопольским обнаруженные мною на квартире вещи: куртку мужскую молодежную черную, шарф шерстяной коричневый, перчатки вязаные черные, шапку меховую зимнюю, в которых они опознали вещи своего сына. Кроме того, ими были опознаны как принадлежавшие Г. В. Краснопольскому портфель и учебные материалы (конспекты), обнаруженные мною в кабинете профессора Гордеева.

Вышеуказанные факты, в том числе факт опознания вещей нашего сына, подтверждаем. Просим принять необходимые меры по розыску нашего сына.

В. Ф. Краснопольский, Т. В. Краснопольская».

С довольным видом он перечитал написанное.

— Ну, пожалуй, сойдет. Распишитесь...

* * *

— Это какой-то фарс, — сказал В. Ф., когда они оказались на улице.

— Не говори так. Там ведь явно что-то случилось. И — где Гоша? Где профессор? Эти двое, по-моему, были в полной растерянности.

— Может, там побывала до них какая-нибудь другая служба?

— Какая служба может быть у нас над КГБ?

— А почему — помнишь — по телефону нам намекали про каких-то декабристов?

— Может, просто другой отдел, у них самих нестыковка...

Сил ехать общественным транспортом никаких не было. Они поймали такси. Когда они наконец оказались у себя дома, теперь, когда отсутствие сына стало не просто привычным времененным отсутствием, а наполнилось неопределеннозловещим смыслом, квартира — до этого какое-никакое, а убежище, последняя линия обороны от враждебного мира, — вдруг показалась какой-то перекосившейся на один бок, словно в Гошиной комнате треснула стена или обрушилась невидимая колонна. Дальше всего от Гошиной комнаты находилась кухня — они прошли в кухню. Т. В. поставила чайник. В. Ф. сел к столу, забарабанил пальцами. Волшебная палочка...

— Я тут подумал... Я думаю, нам надо позвонить Федору Игнатьевичу.

До Федора Игнатьевича, который им обоим казался в этой, более чем темной, ситуации, полной неясных угроз и опасностей, единственным источником надежды — как же, генерал КГБ, не какие-нибудь похожие на шпану младшие агенты, и притом давний, с военных лет, знакомый, — они дозвонились после десяти. В. Ф. сказал об исчезновении Гоши и тут же передал трубку Т. В., чтобы она сообщила подробности. Федор Игнатьевич, однако, слушать ее рассказ не захотел, а предложил подъехать завтра, часов в семь вечера, к нему домой.

* * *

Наступила оттепель, и электрического помела не было слышно. Легли этим вечером против обыкновения одновременно, почти сразу после того, как дозвонились до Федора Игнатьевича. Быстро заснули. Сны: Т. В. приснились следы

на снегу, уходящие в темную подворотню. Ей очень хотелось пойти по этим следам, но что-то мешало. Удерживало. Сон — ощущение тепла, следы на снегу — ей запомнился. Как обычно, когда она уходила на работу, В. Ф. еще спал.

На самом деле В. Ф. проснулся гораздо раньше, чем думала Т. В. Делая вид, что спит, следил, как она собирается на работу. Когда она ушла — закурил. Федор Игнатьевич... Фотографией он увлекся рано, еще до войны. Впоследствии это увлечение определило всю его будущую жизнь. Возможно, спасло от немецкой пули.

Военное время легло на душу какими-то геологическими пластами. Рытье щелей в парке около Адмиралтейства. Первые зенитки, нацеленные в бледное небо. Мешки, в которые насыпали только что накопанную землю и из которых выкладывали низкую стенку для прикрытия орудий. Первые бомбы. Мягкий, словно через подушку, толчок ударной волны. Выбитые стекла. Через два квартала — разрушенный дом. Пластины этажей, косо съехавшие на улицу. Он пытался фотографировать. Был бы он постарше — его взяли бы как шпиона, а так только обматерили и прогнали. В сорок первом он выглядел моложе своих пятнадцати. Кроме того, «Фотокор» был неплохой камерой, но на шпионскую по причине неуклюжести похож мало.

Эвакуация. Леса, серые прожилины рек. Вкрапления полей, деревень, озер. Медленно тащится поезд (обошлось без налета). Лес, постепенно переходящий в степь, а степь в пустыню... Ташкентский пласт жизни — домики из сырцового кирпича, арыки, чинары. Далеко выступающие в стороны деревянные балки крыш — считалось, что это обеспечивает защиту при землятресениях, крыша не рухнет на голову. Во всяком случае, летом эти выступы давали желанную дополнительную тень. Бедность, очереди за продуктами, выдаваемыми по карточкам. Почти постоянное чувство голода.

Спасением была фотография. Он устроился в фотокружок Дворца пионеров. Фотоаппарат свой он сумел сохранить, несмотря на все перипетии эвакуации. Через кружок можно было доставать пластинки или широкую пленку, подходившую к «Фотокору». Проявлять и печатать снимки, пользуясь оборудованием в том же Дворце. Кроме того, членство в кружке давало защиту от подозрений, можно было снимать, не опасаясь, что тебя задержат слишком рьяные ловцы шпионов.

Он снимал все — людей, животных, дома, далекие горы. Узбеков в узорчатых халатах, коршуна в небе, маленьких осликов с огромными мешками, верблюдов у колодца на краю пустыни, скорпиона с задранным жалом. Желтую луну в бархатном ночном небе. Жалел, что не может снимать в цвете. Работы участников кружка выставлялись во Дворце, у него взяли целых восемь снимков.

С Федором Игнатьевичем они встретились на улице. Молодой капитан проезжал на «виллисе» с шофером в то время как он, установив штатив, нацеливал свой аппарат на здоровенного желто-зеленого скорпиона, устроившегося возле трещины на белой стене. Капитан велел шоферу остановиться, вышел.

— И что, твой аппарат возьмет на таком расстоянии?

— На пределе возьмет. Видите, у меня кольца.

Капитана интересовало, давно ли В. Ф. занимается фотографией, фотокружок во Дворце пионеров, какие темы интересуют В. Ф. Откуда он, сколько ему лет, как зовут. Он предложил В. Ф. съездить в горы. В. Ф. с замиранием сердца со-

гласился. Дома знали, что он может вернуться поздно — из-за фотокружка. У Федора Игнатьевича оказалось в сумке через плечо несколько фотоаппаратов. Не чета громоздкому «Фотокору». Свернув с главной дороги, они заехали в сухую каменистую балку.

— Посмотрим, как ты справляешься с фототехникой. Задание простое. Каждой из камер ты делаешь несколько снимков. Что снимать, я покажу. Откуда, выбираю тоже я. Остальное — выдержка, диафрагма, светофильтр, какие-нибудь хитрости — на твоё усмотрение. Потом снимки будут проявлены в нашей лаборатории. Твоя задача — снимки должны хорошо читаться. Теперь — десять минут на ознакомление с техникой.

Как ни странно, с заданием В. Ф. успешно справился. Сердце колотилось, но глаза и руки работали. Федор Игнатьевич, похоже, был доволен действиями юного фотографа еще до проявки снимков. В заключение экскурсии они проехали по узкой дороге чуть дальше и оказались на берегу зеленовато-голубой горной речки. Водитель разложил костер, сварили чай, Федор Игнатьевич достал из вещмешка пару банок американских консервов. После еды устроили стрельбу из пистолета по консервным банкам. Пистолет было трудно навести на цель, при каждом выстреле он подпрыгивал, так что результаты стрельбы были не так удачны, как фотографии.

С тех пор он иногда работал для Федора Игнатьевича. Роль юного фотографа идеально подходила, чтобы снимать людей, которые могли интересовать контрразведку. Мало ли кто случайно попал в кадр... Федор Игнатьевич, в свою очередь, иногда помогал В. Ф. Главная помощь, несомненно, состояла в том, что он помог ему в 44-м вернуться в Ленинград и устроиться в техникум при ЛИТМО, который давал отсрочку от армии. Из техникума В. Ф. перевелся в институт, что дало еще несколько лет отсрочки и лейтенантские погоны по окончании.

Было ли это дружбой? Трудно сказать... Слишком велико было различие в положении. Федор Игнатьевич, несомненно, ему симпатизировал и покровительствовал. Однако в какой-то момент (и, наверное, на раннем этапе знакомства) он решил, что В. Ф. не подходит для той работы (и той жизни) которую вел он сам. Не дал ему выбрать этот путь, помешал другим совершить этот выбор за него... С усилием он прервал на миг поток воспоминаний. Надо действовать. Легко сказать — стоило вернуться к действительности, вернулся и пропитывавший ее насквозь, как морская вода губку, кошмар. Что случилось с Гошой?

Так когда же все определилось окончательно? В. Ф. казалось — во время поездки во Внутреннюю Монголию в 1949 году. Это была в некотором смысле высшая точка их странной дружбы. Мао Цзедун еще не провозгласил Китайскую Народную Республику, но ничто уже не могло остановить его армий. Федор Игнатьевич уже стал подполковником, но еще не потерял романтического шарма военных лет. По-прежнему — «виллис» с шофером, кобура с немецким парабеллумом, томик Симонова в кармане. Симонова, правду сказать, теперь сменил Киплинг на английском. Как боец «невидимого фронта», русский офицер мог себе позволить изучать язык врага даже в эпоху борьбы с космополитизмом. Именно во время поездки В. Ф. впервые услышал выражение «большая игра» — «Great Game». Для него это было открытием — оказывается, Россия и Британия боролись уже тогда, когда был написан «Маугли».

Разумеется, все они были в гражданской одежде и изображали геологов.

За «виллисом» следовал «студебекер». Спали они обычно во вместительном кузове «студебекера», затянутом брезентом. Возможно, к тому времени Федор Игнатьевич уже твердо решил, что В. Ф. не подходит ни для какой оперативной работы. Но хороший фотограф ему был нужен, да оперативной работы почти и не требовалось, или, во всяком случае, она осуществлялась за кадром, незаметно для В. Ф. В «освобожденных районах» ею в основном занимались китайские товарищи. А то, что делалось помимо, относилось скорее к области сбора сведений — в том числе, конечно, и о самих товарищах, наверху очень беспокоились, как бы не повторился югославский вариант.

Позже, когда В. Ф. попала в руки хорошая карта тех мест, он отследил по ней их тогдашний маршрут. К северо-востоку лежали КВЖД и Манчжурия с эмигрантским Харбином. На чумные пески ложилась тень будущих корейских событий. На западе доживала последние дни независимая Восточно-Туркестанская Республика... Заброшенные буддийские монастыри: загибающиеся уголки крыш, резные столбы, еще уцелевшие (разве что несколько пулевых оспин) фрески внутри — боги, демоны, танцовщицы. Усмешка Федора Игнатьевича: ламаизм, тантра... Широкая, непонятно что выражая улыбка переводчика-бурята. Память В. Ф. сохранила в основном это — в цвете. Как напоминание сохранилось также несколько черно-белых фотографий.

...Старичок лама ехал на ослике, которого вел под узцы слуга. Он был закутан в бурое покрывало, вроде лошадиной попоны, из под-которого виднелась темно-красная сутана. Войлочные сапожки. В руках — четки. На голове — странная шапка, с красным навершием, похожим на маленькую юрту, и длинными лентами. Глаза как изюминки... Машины остановились, остановился и ослик. Федор Игнатьевич с переводчиком вышли из «виллиса». В. Ф., который ехал в «студебекере» рядом с шофером, тоже вылез из кабины. К ним присоединились шофер «студебекера» и два техника.

В. Ф. впервые видел переводчика таким взволнованным. Пожилой бурят бегал вокруг Федора Игнатьевича, а когда замедлял шаги, подпрыгивал на месте. Наконец тот наклонился к нему, и он что-то зашептал ему на ухо. Федор Игнатьевич кивнул. Старый лама слез со своего ослика. Бурят сложил ладони перед грудью и, непрерывно кивая, мелкими шажками приблизился к старику, а затем опустился на колени и уперся лбом в песок, выставив вперед сложенные ладонь к ладони руки. В одной руке у ламы были четки, другой он сделал еле заметный жест над головой переводчика.

— Поприветствуйте его, — вполголоса приказал остальным Федор Игнатьевич.

Он тоже сложил руки перед грудью, повернулся к старому ламе и слегка наклонил голову. Остальные, как могли, повторили его движения, только В. Ф. поклонился несколько глубже. Лама и его ученик ответили тем же. Переводчик поднялся на ноги, но продолжал стоять, глядя в землю перед ламой. Затем он обратился к ламе просительным голосом.

Лама быстро оглядел всех, слегка кивнул, что-то сказал по-своему. Переводчик повернулся к остальным, сохраняя почтительный вид.

— Они согласны переночевать рядом с нами. Это большая честь. Он говорит, у тех скал есть вода, — переводчик махнул в сторону багрово-красной скальной гряды.